ДЖОН МИЛЬТОН

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

САМСОН-БОРЕЦ

SHOUT
SHARE
IT

- А. Аникст
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

А. Аникст
Джон Мильтон

Мильтон следует в английской литературе почти сразу после Шекспира. Когда родился Мильтон, Шекспир был в расцвете творчества. Гений Шекспира осенил юного поэта, и он оставил вдохновенное свидетельство духовной связи с ним — стихотворение памяти великого драматурга, которое читатель найдет в этом томе.

Творчество Мильтона завершает большую историческую полосу развития художественной культуры Англии, возникшей в эпоху Возрождения. Его связи с этой эпохой многообразны, но не менее значительны и отталкивания от нее.

Скажем сначала о том, что связывает Мильтона с Возрождением.

Он сам, как личность, обладал чертами, свойственными выдающимся деятелям Возрождения, и принадлежал к числу тех, кого Ф. Энгельс определил как «титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености».[1] Мильтон более, чем многие другие, воплотил в себе ту действенность, которую Энгельс высоко ценил в характере великих людей Ренессанса: «… они почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются, кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе. Отсюда та полнота и сила характера, которые делают их цельными людьми».[2] Характер важная сторона таланта, особенно если художнику приходится жить в сложное и бурное время, подобное той революционной эпохе, когда жил Мильтон. Он в полной мере проявил силу и цельность своего характера, и это восхищало Пушкина, который решительно осудил искажение героического облика Мильтона в произведениях В. Гюго и А. де Виньи.

Поэзия Мильтона, его главные творения проникнуты героическим пафосом, духом борьбы за гражданские идеалы, которой он отдавал все свои силы. Мильтон — один из ярчайших примеров поэта-борца, поэта-гражданина.

Он унаследовал от писателей Возрождения глубокое убеждение в том, что искусство и поэзия — высшие формы выражения человеческого духа. В конце эпохи Возрождения это уже не считалось столь безусловным, как в начале. В годы юности Мильтона появились главные труды Ф. Бакена, родоначальника философского материализма и опытных наук нового времени. А

когда Мильтон завершал жизненный путь, уже считалось безусловным, что первой в ряду других форм духовной деятельности является наука. Поэт не враждовал с наукой. Наоборот, он ее глубоко почитал, но до конца сохранял веру в то, что самое главное, в чем нуждается человек, может дать ему поэзия, искусство.

Поворот в сторону философского осмысления жизненных процессов по-своему захватил и Мильтона. Он первый поэт-мыслитель нового времени, сочетавший в своем творчестве силу мощного поэтического звучания и впечатляющую образность с глубоко философским подходом к коренным вопросам жизни. Поэзия для Мильтона не внешняя форма, в которую он облекал мысли. Мысль и образ у него неотделимы. Он поэт тончайших интимных переживаний и вместе с тем художник поистине космической масштабности. Величавая образность, драматическая картинность, богатейшая звуковая оркестровка словесных средств — таковы характерные черты поэзии Мильтона.

Мильтон не только поэт-мыслитель. Его творчество — последний взрыв могучих страстей революционного времени. Но он создавал произведения в преддверии эпохи, когда победа рационализма превратила поэзию в рифмованные рассуждения и многословные описания, освещенные холодным светом наблюдающего и анализирующего рассудка. В поэзии Мильтона разум и чувство еще не разошлись в разные стороны, хотя разлад между ними уже замечается и волнует художника, стремящегося сохранить цельность нравственную и интеллектуальную.

Мильтон — наследник ренессансного индивидуализма. Для нас теперь понятие «индивидуализм» связано с антиобщественным противопоставлением личности коллективу. Мильтон жил в эпоху, когда прогресс в духовном развитии состоял именно в выделении индивида из массы сословия, державшего человека в тисках отживших законов и норм. Он принадлежит к плеяде тех, кто гордо отстаивал право каждого человека на большую, прекрасную и свободную жизнь. Утверждая великую ценность человека, Мильтон отнюдь не выступает как сторонник произвола личности.

Современник переломной, революционной эпохи, Мильтон остро чувствовал противоречия жизни, и это обусловило внутренний драматизм всего написанного им. К драме в собственном смысле слова он имел некоторое отношение как автор ранней пьесы-маски «Комос» и драматической поэмы, завершившей его творческий путь, — «Самсон-борец». Но даже их Мильтон писал для театра. Во всяком случае, они не принадлежат

к числу произведений, естественно входящих в общую струю драматургии, предшествовавшей буржуазной революции XVII века, или той драматургии, которая возникла уже после нее. Мильтон по преимуществу поэт лирический и эпический. Драматизм его произведений состоит во внутреннем напряжении, обнажении противоречий, в борьбе чувств и стремлений, что постоянно ощущается во всем написанном им.

Вместе со всем этим — и тут мы переходим к тому, что отличает Мильтона от гуманистов Возрождения, — творчество поэта проникнуто несомненным религиозным духом. От этого никуда не уйдешь, но отношение Мильтона к религии можно правильно понять лишь с исторической точки зрения.

Гуманизм, эта передовая идеология Возрождения, возник в позднее средневековье, когда над мышлением и творчеством тяготела власть церкви. Не только у Данте, первого поэта нового времени, но даже у Петрарки и Боккаччо еще сильно сказывалось влияние религии. Начиная с XV века в некоторых странах гуманистическая мысль стала освобождаться от духовной власти католицизма. Это проявилось в движениях за реформацию церкви (протестантство, кальвинизм), а также в развитии свободомыслия, в научной критике богословия и в светской философии. Однако не многие гуманисты осмеливались дойти до откровенного атеизма. Церковные установления и в XVI веке еще были достаточно сильны, притом не только в католических странах, но и там, где произошла реформация. Если часть гуманистов лишь формально придерживалась установленного вероисповедания, то другие были искренни в своих религиозных чувствах или, по меньшей мере, считали христианство необходимой сдерживающей уздой в нравственной жизни.

В гуманистическом движении было течение, сочетавшее новые общественно-нравственные идеалы с религиозностью, очищенной от церковного догматизма. В XVI веке представителем этого христианского гуманизма был Эразм Роттердамский. В XVII веке — Джон Мильтон.

Мильтон не сразу стал поэтом, сосредоточившимся на библейской тематике и сюжетах. Он начинал как поэт светский, но исторические условия сделали неизбежным его обращение к религии. Прогрессивное антифеодальное и антимонархическое движение в Англии XVII века развивалось под религиозными лозунгами. Идеологией воинствующей буржуазной демократии стало пуританство (английская ветвь кальвинизма). Пуритане возглавили политическую борьбу против монархии и дворянства. Мильтон примкнул к ним и стал одним из главных идеологов буржуазной революции.

Как же случилось, что буржуазная революция в Англии получила религиозное идеологическое облачение? На этот вопрос дал ответ К. Маркс, который писал: «…как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов».[3] Борцы за новый социальный строй должны были найти «идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии. Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета».[4] Вполне естественно, что и Мильтон проникся этим духом. Шедевры его поэзии окрашены библейским колоритом. Из Ветхого завета заимствованы сюжеты «Потерянного Рая» и «Самсона-борца», из Нового завета (Евангелия) — основа «Возвращенного Рая».

Это надолго обусловило то, что его стали воспринимать как религиозного поэта. На протяжение всего XVIII века «Потерянный Рай» считался благочестивым чтением. В начало XIX века узкое понимание Мильтона подвергли пересмотру. Революционный поэт-романтик Шелли увидел в «Потерянном Рае» его мятежный дух. Пушкин в статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного Рая“» (1837) писал о нем как о поэте-революционере. В. Белинский определил «Потерянный Рай» как «апофеозу восстания против авторитета».[5]

Постепенно критика научилась постигать общественный и философский смысл, скрытый под библейской оболочкой произведений Мильтона. Творчество его теперь всесторонне и досконально изучено, что, конечно, не исключает расхождения во мнениях между исследователями.

Вплоть до конца первой мировой войны положение Мильтона как одного из корифеев английской литературы было незыблемым. Но в двадцатые годы представители модернистской поэзии Эзра Паунд и Т.-С. Элиот выступили с нападками на Мильтона, человека и поэта, заявив, что своим стилем он испортил язык английской поэзии. Подверглись осуждению личность Мильтона, его убеждения, революционная деятельность. Но у него нашлись и защитники. Впрочем, защита иногда принимала странный характер: революционера превращали в сторонника порядка, самостоятельного мыслителя — в представителя пуританской ортодоксии, каковым Мильтон не был. Полемика вокруг Мильтона, естественно, не могла не коснуться главных для его творчества вопросов, и здесь

обнаружилось много противоречивых мнений. Недавнее двухсотлетие со дня смерти поэта показало, однако, что, при всем несходстве мнений о нем, его величие и значение как одного из первых поэтов Англии остается бесспорным.

«С самой юности я посвящал себя занятиям литературой, и мой дух всегда был сильнее тела; я не предавался воинским занятиям, в которых любой рядовой человек принесет больше пользы, чем я, но отдался таким делам, где мои старания могли быть более плодотворными»,[6] так писал о себе Мильтон, когда ему исполнилось 46 лет (он родился в Лондоне 9 декабря 1608 г.). И действительно, с очень раннего возраста он жил в круге интеллектуальных и художественных интересов. Его отец, состоятельный нотариус, человек больших знаний и разносторонних интересов, тонкий музыкант, сделал все возможное для духовного развития будущего поэта. Он избавил его от материальных забот, и Мильтону было уже за тридцать лет, когда он впервые стал зарабатывать средства к жизни.

Молодой Мильтон заслуживал отцовских забот. Он прилежно учился дома и в школе. «Жажда знаний была во мне столь велика, — рассказывал он о себе, что, начиная с двенадцатилетнего возраста, я редко когда кончал занятия и шел спать раньше полуночи». Домашние занятия перемежались посещением лучшей лондонской школы того времени при соборе святого Павла. В шестнадцать лет обычный тогда для этого возраст — Мильтон стал студентом Кембриджского университета. Через четыре года он уже бакалавр, а еще три года спустя магистр искусств. Он мог бы остаться при университете, но для этого надо было вступить в духовное звание, а этого Мильтону не хотелось при всей ого искренней религиозности.

С формальным образованием было покончено, но Мильтон продолжал учиться. Он поселился в небольшом поместье отца в Хортоне, куда скрылся не только из желания предаться наукам. Распущенность двора, произвол знати, узколобый практицизм буржуа-накопителей были равно отвратительны молодому Мильтону. Он рано проникся духом пуританства, но остался чужд и догматизму и фанатизму его наиболее рьяных поборников. Он прятался от житейской скверны и суеты в провинциальной глуши, но его жизнь была наполнена интеллектуальными интересами, которые связывали его с узким кругом образованных людей, встреченных им там.

Отец всегда поддерживал литературные стремления Мильтона. Первые стихи Мильтон написал в пятнадцать лет. В Хортоне он создал поэмы «L'Allegro»[7] и «Il Penseroso»,[8] пьесы-маски «Аркадия» и «Комос», элегию «Люсидас». Ему в то время

уже тридцать лет, написанное им известно лишь узкому кругу, но в голове Мильтона теснятся новые творческие планы, и он пишет другу: «Ты спрашиваешь, о чем я помышляю? С помощью небес, о бессмертной славе. Но что же я делаю?.. Я отращиваю крылья и готовлюсь воспарить, но мой Пегас еще недостаточно оперился, чтобы подняться в воздушные сферы».

В 1638–1639 годы Мильтон совершил путешествие в Италию. Через Париж и Ниццу он достиг обетованной земли гуманистов и посетил там Геную, Легорн, Пизу, Флоренцию, Сиену, Рим, Неаполь, Лукку, Болонью, Феррару, Венецию, Верону, Милан. Он еще заехал в Женеву, на родину Кальвина, а оттуда через Францию вернулся домой.

Итальянский язык он изучил еще в юности, и ему легко было общаться с образованными итальянцами, тепло принимавшими его. Самой знаменательной была встреча Мильтона с Галилеем.

Прошло то время, когда Италия служила для остальной Европы примером наибольшей интеллектуальной свободы. Мильтон приехал в другую Италию, пережившую контрреформацию и католическую реакцию против всякого вольнодумства. Общаясь с представителями итальянской интеллигенции, он смог убедиться в том, как тяжек был политический и духовный гнет в стране, где господствовала инквизиция, искоренявшая всякую крамолу. Итальянцы, рассказывал впоследствии Мильтон, «жаловались на рабство, в котором находится у них наука; и это погасило славу умов Италии: вот уже много лет там не пишут ничего, кроме книг, исполненных лести и пошлости. Там я отыскал и посетил постаревшего прославленного Галилея, заточенного инквизицией только за то, что он думал об астрономии иначе, чем францисканские и доминиканские цензоры».[9]

Итальянцы, не знавшие английских условий, думали, что на родине Мильтона лучше, чем у них. Но он мог рассказать им, что реакционная политика правительства Карла I Стюарта и английское духовенство вкупе со знатью подавляли народ и его мыслящую часть не хуже любой инквизиции. Страна уже глухо волновалась, буржуазия и народ все более открыто заявляли о своем недовольстве. «Я считал, — написал Мильтон, — что было бы низко в то время, когда мои соотечественники боролись за свободу, беззаботно путешествовать за границей ради личного интеллектуального развития».

Вернувшись в Англию, Мильтон стал выступать как публицист, посвятив несколько памфлетов критике господствующей англиканской церкви, которая была идеологической опорой монархии; она имела тот же

иерархический строй, что и католическая церковь. Как истинный пуританин, Мильтон боролся за уничтожение епископата и полную демократизацию церкви. Одновременно он занимался домашним воспитанием племянников, сыновей старшей сестры. Из этих занятий возник его трактат «О воспитании» (1644), являющийся важной вехой в истории гуманистической педагогики.

В мае 1643 года Мильтон после всего лишь месячного знакомства женился на дочери мелкого помещика Мери Поуэл. Она, однако, покинула его уже через несколько недель и вернулась к родителям. Поуэлы были сторонниками короля. Когда революционные власти начали их притеснять, Мильтон, ставший к тому времени деятелем революционного лагеря, выручил их. Мери вернулась к мужу после двух лет разрыва. Она родила четырех детей и в 1652 году умерла во время родов последнего ребенка.

Когда Мери покинула Мильтона, он написал трактат о разводе (1645), поссоривший его не только с англиканским духовенством, но и с пуританскими идеологами, ибо он выдвинул неслыханное тогда положение о праве на развод, если в браке нет любви и согласия между супругами. Концепция брака, изложенная Мильтоном, была важным вкладом в развитие этики гуманизма. «Брак не может существовать и сохраняться без взаимности в любви, — провозгласил Мильтон, — а там, где нет любви, от супружества остается только внешняя оболочка, столь же безрадостная и неугодная богу, как и всякое другое лицемерие».[10] Забегая вперед, отметим, что, изображая в «Потерянном Рае» Адама и Еву, Мильтон в поэтических образах воплотил свое понимание брака по любви.

Еще до опубликования этого трактата Мильтон выступил с политическим памфлетом «Ареопагитика» (1644), обращенным к парламенту (иносказательно названному «ареопагом»), в котором умеренные и консервативные пуритане-пресвитерианцы приняли закон о введении строгой цензуры на все печатные издания. Мильтон выступил с горячей защитой свободы слова. «Убить книгу — почти то же, что убить человека, — писал Мильтон. — Тот, кто уничтожает книгу, убивает самый разум… Многие люди живут на земле, лишь обременяя ее, но хорошая книга есть жизненная кровь высокого разума».[11]

«Ареопагитика, или Речь о свободе слова» — не только политическое выступление в защиту одного из важнейших принципов демократии, но и блестящий образец философской диалектики. Мильтон отвергает метафизическое разграничение Добра и Зла, резко противопоставляемых догматиками-

пуританами. «Добро и Зло, познаваемые нами на почве этого мира, произрастают вместе и почти не отделимы, — пишет Мильтон. — Познание Добра так связано и сплетено с познанием Зла, что при кажущемся сходстве их не просто разграничить, их труднее отделить друг от друга, чем те смешанные семена, которые было поручено Психее очистить и разобрать по сортам. С тех пор как вкусили всем известное яблоко, в мир явилось познание Добра и Зла, этих двух неотделимых друг от друга близнецов. И быть может, осуждение Адама за познание Добра и Зла именно в том и состоит, что он должен Добро познавать через Зло».[12]

Здесь опять уместно забежать вперед, ибо в приведенных словах Мильтона выражена одна из главных идей его поэтического шедевра «Потерянного Рая».

Пуританство как идеология революционной буржуазии выдвинуло свой нравственный идеал. Вспомним слова Маркса, что для свершения буржуазной революции нужны были героизм и самопожертвование. Пуританскому понятию о добродетели Мильтон противопоставил идеал гражданского героизма, лишенного фанатической узости. «Я не могу хвалить добродетель, прячущуюся в келью и запирающуюся там, не подвергаясь испытанию, не видя и никогда не сталкиваясь со своей противоположностью, отказываясь от соревнования, ибо нельзя завоевать венок бессмертия, не испачкавшись в пыли и не попотев. Несомненно, что мы входим в жизнь не невинными, а скорее нечистыми (здесь Мильтон отдает некоторую дань кальвинистскому учению о первородном грехе человечества. — А. А.), очистить нас может только испытание, а испытание невозможно без столкновения с враждебными силами. Поэтому добродетель, которая по-детски незнакома со злом, не знает всего, что сулит порок своим последователям, и просто отвергает его, есть пустая добродетель, а не подлинная чистота. Ее белизна неестественна. Так как знание и наблюдение порока необходимо для достижения человеческой добродетели, а знакомство с заблуждениями — для утверждения истины, как можем мы лучше и безопаснее разведать области порока и обмана, если не посредством чтения различных трактатов и слушания разнородных мнений? В этом и заключается польза, которую можно извлечь от чтения разнообразных книг».[13]

Рассуждения Мильтона об испытании человека реальной жизнью со всеми ее пороками и заблуждениями тоже найдут отражение в его прославленной поэме.

Борьба за свободу сочетается у Мильтона с идеей воспитания человека-гражданина, умеющего самостоятельно мыслить и

разумно решать жизненные вопросы. Республика мыслится Мильтоном как общество, в котором политическое равенство получает свое воплощение в полной свободе мысли. Мильтон резко выступал против пуритан-догматиков: «Есть люди, которые постоянно жалуются на расколы и секты и считают ужасной бедой, если кто-нибудь расходится с их понятиями. Высокомерие и невежество — вот причина недовольства тех, кто не в состоянии снисходительно выслушать и переубедить: поэтому они подавляют все, чему нет места в их катехизисе. Создают беспорядок и нарушают единство именно те, кто сами не собирают и другим не позволяют собрать воедино разрозненные части, недостающие для полноты истины».[14]

Мы помним слова Мильтона о том, что к воинскому делу он не был способен. Но когда поднялась буря революции, он оказался в самой гуще ее и сражался пером. Его политические памфлеты и книги выдвинули его в первый ряд идеологов революции. Революционность Мильтона не была буржуазно-ограниченной. Ему были чужды те экономические цели, за которые пошла в бой против монархии пуританская буржуазия. В революционном лагере Мильтон представлял широкие круги народа, его свободолюбивые стремления. Как это было свойственно деятелям и других буржуазных революций, Мильтон выражал «страсти и иллюзии» широких слоев народа, поэтому его голос звучал особенно мощно в пору революционного подъема.

Философский склад ума Мильтона сказывался в том, что его публицистические выступления отвечали не только требованиям данного исторического момента, по содержали выражение общих принципов. Важнейшим вкладом в развитие общественной мысли были трактаты, написанные Мильтоном в годы гражданской войны, завершившейся победой буржуазной революции, свержением и казнью короля. Трактаты Мильтона содержат законченную теорию буржуазной демократии XVII века в период ее наивысшего революционного подъема. В трактате «Права и обязанности короля и правителей» (1649) Мильтон формулирует теорию народовластия. Власть исходит от народа, который поручает осуществление ее отдельным лицам. Злоупотребление властью в ущерб интересам народа дает право на свержение короля и других нерадивых правителей. Сколько гордого достоинства в утверждении Мильтоном гуманистической идеи свободы и равенства: «…Люди от природы рождаются свободными, неся в себе образ и подобие самого бога; они имеют преимущество перед всеми другими живыми существами, ибо рождены повелевать, а не повиноваться».[15]

Мысль о том, что человек является богоподобным существом,

одна из центральных в философии гуманизма Возрождения. Она звучит в знаменитой речи Пико делла Мирандолы «О достоинстве человека» (1548), в словах Гамлета («Что за мастерское создание человек!.. Как похож разумением на бога!»). Правда, Шекспир в условиях трагического безвременья начала XVII века несколько усомнился в богоподобности человека. В обстановке революционного подъема середины XVII столетия Мильтон снова уверовал в человека и в его всемогущество. Но и он не остался на этой позиции, как мы увидим далее.

При всей своей религиозности Мильтон отвергает монархическую доктрину о божественном происхождении власти. В его глазах она — земное установление, созданное людьми для защиты их интересов. Мильтон один из создателей теории общественного договора как основы государства. Развивая гуманистическое учение о том, что власть призвана только для одной цели — заботы о народе, Мильтон одновременно осуждает насилие эгоистических правителей. По его определению, «тиран, насильно захвативший власть или владеющий ею по праву, это тот, кто, пренебрегая и законом и общим благом, правит только в интересах своих и своей клики».[16]

Теория народовластия оправдывала не только свержение тирана, но и право казнить его. Трактат Мильтона служил прямым обоснованием суда и казни английского короля Карла I. Сторонники казненного монарха издали сочинение «Образ короля» (дословно — «Икона короля»), представив его невинным мучеником. Мильтон ответил на это памфлетом «Иконоборец» (1649). Ответами на печатные выступления монархистов были написанные Мильтоном «Защита английского народа» (1650) и «Вторая защита английского народа» (1654). Так как Мильтон подвергался личным нападкам политических противников, то во «Второй защите» он довольно обстоятельно рассказал о некоторых эпизодах своей жизни. Но, конечно, первостепенное значение имели не автобиографические подробности, а политические декларации Мильтона.

Названные здесь произведения — ярчайшие образцы революционной публицистики XVII века. В них во весь роет встает фигура Мильтона — борца и гражданина. Пушкин с глубоким уважением отозвался о Мильтоне — публицисте и революционере: «Джон Мильтон, друг и сподвижник Кромвеля, суровый фанатик, строгий творец „Иконокласта“[17] и книги „Defensio Populi“.»[18]

Мильтон действительно был сподвижником вождя английской буржуазной революции Оливера Кромвеля. Он занял в правительстве, созданном революцией, ноет латинского

секретаря. В этой должности он вел переписку с иностранными государствами (латынь еще оставалась международным языком). Одновременно Мильтон выступал как официальный пропагандист правительства республики.

Впрочем, республикой революционная Англия оставалась недолго. В итоге сложного переплетения классовых противоречии и международной обстановки в стране установилась единоличная диктатура Кромвеля. Когда Кромвель стал фактическим главой правительства, Мильтон написал в честь его стихотворение, в котором выражал надежду, что тот не станет притеснителем свободы. Такие же мысли, только более ясно и определенно выразил Мильтон во «Второй защите английского народа»: «Испытав столько страданий, пройдя через столь великие опасности в борьбе за свободу, — писал Мильтон, обращаясь к самому Кромвелю, — не соверши насилия над ней и не допусти ущерба ей со стороны кого-либо другого».[19]

Увещания латинского секретаря, естественно, не могли повлиять на лорда-протектора Кромвеля, который правил страной как самодержец. Мильтон имел возможность убедиться в том, что революция пришла к тому самому, против чего она в начале боролась, — к произволу бесконтрольной власти.

В годы наибольшей политической активности на Мильтона обрушились несчастья. Сначала умерла первая жена. Он женился второй раз. Счастье в этом браке было недолгим, жена умерла вместе с ребенком. Потом беда настигла его самого. Он с детства страдал слабым зрением. С середины 1640-х годов зрение стало заметно ослабевать. На советы врачей сократить работу Мильтон ответил: «Подобно тому, как я пожертвовал поэзией, так теперь я готов принести на алтарь свободы свои глаза». В 1652 году Мильтон полностью ослеп. Он оставил пост латинского секретаря, но продолжал служить республике пером, диктуя свои сочинения. Полемист он был злой, но и противники из монархического лагеря были беспощадны. Они издевались над его слепотой, однако его и это не сломило.

Смерть Кромвеля в 1658 году возбудила в Мильтоне надежду на возможность восстановления демократии в стране. Он написал трактат «Наличные способы и краткое описание установления свободной республики, легко и безотлагательно осуществимого на деле» (1660). Его призывы остались тщетными. Если раньше буржуазия опиралась на народ против монархии и дворянства, то теперь, успокоившись на приобретенном, она стала больше бояться плебейских масс, чем прежних противников; поэтому она предпочла договориться с дворянством, лишь бы укрыться под защитой крепкой власти, способной держать народ в узде.

В 1660 году была восстановлена монархия Стюартов. Наиболее активные деятели революции подверглись суровым преследованиям. Мильтон оказался на волоске от гибели, но его спасли. С тех пор он жил вдали от общества на оставшиеся скромные средства и на небольшие литературные заработки (за «Потерянный Рай» ему заплатили десять фунтов стерлингов!). Как сказал о нем Пушкин, Мильтон «в злые дни, жертва злых языков, в бедности, в гонении и в слепоте сохранил непреклонность души и продиктовал „Потерянный Рай“».[20]

Последние четырнадцать лет жизни Мильтона — пример нравственного и душевного героизма. В период революции он почти совершенно оставил поэзию, написал лишь небольшое количество стихотворений. Теперь, когда политическая деятельность стала для него невозможной, Мильтон возвращается к поэзии. Его отход от нее отнюдь не был бесплодным, — не только потому, что участие в политической борьбе отвечало его самым глубоким личным стремлениям, но и потому, что гражданская война, революция и наступившая после нее реакция дали ему огромный духовный опыт. Выше приведены публицистические высказывания Мильтона, которые близки мыслям, выраженным впоследствии в поэтической форме. Мильтон-публицист — не антипод Мильтона-поэта. Их связывает единство мировоззрения, но есть существенное различие между настроением Мильтона в годы республики и после того, как она была повержена. Поэту пришлось переосмыслить кое-что в свете поражения революции.

Еще в ранние годы Мильтон вознамерился написать большую эпическую поэму. Тогда он хотел создать нечто подобное шедевру английской гуманистической поэзии эпохи Возрождения — «Королеве фей» Эдмунда Спенсера (XVI в.). Героем своего эпоса он хотел сделать легендарного короля Артура в молодости, представив его как образец нравственного человека. Теперь замысел Мильтона изменился до неузнаваемости. Он положил в основу своих последних произведений библейские сюжеты. В 1663 году, когда ему исполнилось пятьдесят пять лет, Мильтон закончил «Потерянный Рай» и напечатал его в 1667 году. Четыре года спустя вышли в свет поэма «Возвращенный Рай» и драматическая поэма «Самсон-борец». За год до смерти Мильтон подготовил к печати сборник своих ранних стихотворений на английском, латинском и итальянском языках.

Скончался Мильтон 8 ноября 1674 года, шестидесяти шести лет от роду. Ему не пришлось вкусить плоды своей литературной славы, которая пришла уже посмертно. Но он расставался с жизнью, сознавая, что великий замысел, который должен был

сохранить потомству память о нем, ему удалось осуществить.

Мильтон — поэт мысли, раздумий о сущности жизни, о природе человека. Его поэзия с самого начала была серьезна и целомудренна. Совсем молодым человеком он переложил в стихи благочестивые псалмы, написал оду «Утро рождения Христа», элегии, скорбные эпитафии. Среди набожных размышлений о бедах и бренности жизни только однажды попадутся читателю иронически-шутливые поминальные стихи об университетском вознице. Хотя по ним можно видеть, что юмор не совсем был чужд Мильтону, но других свидетельств об этом не сохранилось. В целом стихи говорят нам о серьезной настроенности молодого поэта. Пушкин с полным основанием применил к нему эпитет «суровый».

Мильтон написал в молодости сравнительно немного. Слабых стихотворений среди этого немногого нет. Молодой поэт удивляет редким владением формой. Слово, ритм, мелодия стиха — все отработано, отшлифовано.

Поражает в молодом поэте полное отсутствие любовных мотивов. Его лира не настроена на этот лад. Но он отнюдь не отшельник и видит мир во всей его красочности. Об этом лучше всего говорят два шедевра молодого Мильтона — его диптих «L'Allegro» и «Il Penseroso». Кое-что в сельских пейзажах здесь взято из книг, из античных буколик и ренессансных пасторалей, но есть в этих картинах и живое чувство природы.

Почти вся поэзия молодого Мильтона проблемна, как только что названные две поэмы, противопоставляющие два мироощущения. Молодого Мильтона волнует вопрос — как жить не бесплодно, каким быть, чтобы не посрамить высокого назначения человека? Хотя поэт беспристрастно и даже с сочувствием рисует облик L'Allegro, ему явно ближе Il Penseroso.

Эти две поэмы — переход от жизнерадостной поэзии Возрождения к раздумчивой, подчас меланхолической поэзии, приходящей ей на смену. Такой же переходный характер имеет пьеса-маска «Комос». Читая ее, нельзя не вспомнить «Сон в летнюю ночь» и «Как вам это понравится» Шекспира. И здесь и там герои оказываются в лесу. Но у Шекспира они ищут освобождения от помех своему счастью и находят его. И счастье это — в любви, радостном соединении молодых людей с любимыми существами, удовлетворении естественных стремлений молодости. Совсем другое у Мильтона. Его лес — аллегория запутанности жизни, ловушек и силков, которыми грозят человеку его страсти. Комос утверждает все то, чего добивались когда-то гуманисты: реабилитации плоти, следования естеству, утверждения силы и красоты страстей. Но у Мильтона

Комос воплощение соблазнов, ведущих к бесчестию и к греху. Идеал поэта нравственная чистота, и она торжествует в этом произведении.

Мильтон отнюдь не ханжа. Жажда чистоты — реакция на то, во что практически выродился ренессансный идеал в дворянском обществе, где он стал оправданием грубой чувственности, аморальности, полного презрения к нравственным ценностям.

Отметим, что в «Комосе» есть не только моральная проблематика, но и открыто выраженное недовольство тяжким положением народа.

«Люсидас» — признанный шедевр английской пасторальной поэзии, поэма о поэте, его высоком назначении и вместе с тем о хрупкости человека перед лицом стихий. Размышления о безвременно погибшем юноше перемежаются у Мильтона раздумьями о том, успеет ли он сам свершить свое земное назначение как поэт. Обращает на себя внимание противопоставление идеально настроенного поэта и тех своекорыстных «пастухов» (в этой поэме — синоним поэта), «кто не о стаде, о себе радеет», — иносказательное, но безусловное признание общественного назначения поэзии.

В первый период уже пробиваются ростки тех взглядов и настроений, которые расцветут в позднем творчестве Мильтона. Участие в общественной жизни оторвало Мильтона от поэзии, но и в годы революции он написал ряд стихотворений. Некоторые из них были откликами на современные события, другие отражали личные переживания. Форма сонета, избранная Мильтоном для своих стихов, была еще одним свидетельством как его связей, так и отталкивания от поэзии английского Возрождения. Сонеты Мильтона принадлежат к числу вершинных явлений в этом жанре.

Все написанное Мильтоном за сорок лет, при несомненном мастерстве, меркнет по сравнению с его величайшим творением — поэмой «Потерянный Рай». Здесь во всей мощи проявилось поэтическое мастерство Мильтона. Рядом с белым стихом драм Шекспира в английской поэзии стоит белый стих «Потерянного Рая», как образец высшего совершенства. Но между ними, конечно, есть важное различие. Шекспир приближал стих к живой разговорной интонации, сочетая ее с поэтической образностью и метафоричностью. Мильтон сохраняет эпическую торжественность певца-рапсода, неторопливую повествовательную интонацию. Грандиозности сюжета должен соответствовать величавый строй поэтической речи. Но она не становится мертва. В ней звучат живые интонации, только это не живость повседневного разговора, а пафос оратора,

проповедника, пророка. Мильтон живет в преддверии эпохи, когда появится реалистический роман. Он пишет «Потерянный Рай», когда уже родился Дефо, который проложит путь для утверждения века прозаического романа. Уже появилась первая почти реалистическая драматургия — комедия периода Реставрации, где персонажи говорят языком светских людей аристократических салонов и гостиных. Мильтон — последний могикан эры поэзии, последний бард в ее мировой истории.

Форма эпоса, избранная им, когда-то была самой естественной для поэзии. Но первобытные эпические времена давно кончились, формы поэзии изменились. Тем не менее величайшие образцы эпоса — поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» продолжали чаровать своей поэзией. Поэтому, хотя жизненная почва для эпоса исчезла, поэты продолжали прибегать к этой форме, надеясь, что сила искусства преодолеет противодействие новых жизненных условий и нового, совсем не эпического мироощущения.

Мильтон знал все образцы эпической поэзии — естественные и органичные, как «Илиада», и искусственные, книжные, как «Энеида» Вергилия и «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо или «Королева фей» Э. Спенсера. Его вдохновляли на попытку создать нечто подобное не только литературные образцы. Вместе со всей страной, с народом пережил он эпоху грандиозных событий. Было сотрясено и повергнуто в прах сооружавшееся веками здание феодальной монархии, произошел переворот гигантского размаха. Подлинно эпическая масштабность пережитого страной была глубоко осознана Мильтоном. Для него было естественно именно в такой форме воплотить свое видение, ощущение, дух отошедшей эпохи. Мильтон создавал «Потерянный Рай» в обстановке, лишенной какого бы то ни было героизма. Наступило время жадной погони за удовольствиями. Многие устали от напряжения революционного периода, от настойчивых требований пуритан быть добродетельными. Словом, создавая поэмы, Мильтон шел против воцарившегося духа времени. Он жил прошлым, хотел, чтобы память о нем не умерла, мечтал о возрождении общественных идеалов, о восстановлении личной нравственности. Это он и воплотил в «Потерянном Рае».

Но и революционное прошлое виделось Мильтону иначе, чем тогда, когда он был в самом центре борьбы. Противоречия внутри самой пуританской «республики» он начал ощущать уже в последние годы ее существования. Поэт не только понимал, но и оправдывал самые радикальные меры борьбы против врагов республики. Но он не мог понять, почему нужно было продолжать

ту нее политику беспощадности после победы. Его последний политический трактат, написанный уже после смерти Кромвеля, был отчаянной и безнадежной попыткой напомнить о возможности так и не испробованного путине монархия, не военная диктатура, а настоящая демократия, хотя бы и умеренная на первых порах.

Двойственность отношения Мильтона к буржуазной пуританской революции помогает понять глубочайшую двойственность, пронизывающую весь «Потерянный Рай».

Перед нами поэма на библейский сюжет. Она начинается с изображения того, как падший ангел Сатана замышляет восстание против небесного Вседержителя. Общий дух песен «Потерянного Рая», изображающих борьбу Неба и Ада, отражает атмосферу, хорошо известную тем, кто пережил бурные годы революции. Именно атмосферу. Титанические сцены битв космических сил Небес и Ада мог написать только поэт, знавший, что такое картина всеобщей воины, в которую вовлечено все живое и мертвое. Мильтон настолько дышит духом своего времени, что забывается и вводит в свое описание битв небесных ратей артиллерию!

Но мы ошибемся, если будем искать в «Потерянном Рае» прямых аналогий с современностью поэта. Ему знакома и близка атмосфера всеохватывающей борьбы, но только этот, такой в общем неопределимый элемент, как атмосфера, и является непосредственным отражением эпохи революции. Самый же конфликт находится в иной плоскости. Мильтон взял его из Библии. Ему, пуританину, всегда представлялась главной борьба Добра и Зла в мире. Библия дала символические обобщающие образы этой борьбы в фигурах Бога и Сатаны. Пуританину Мильтону безусловно близка идея Бога как воплощения всех лучших начал жизни. Но Мильтон — бунтарь и революционер — хорошо чувствует и понимает Сатану. Когда Мильтон писал о том, как поверженные Ангелы мечтают о новом восстании и мести своим врагам, думал ли он только о Библии? Так, на протяжении поэмы очень несогласованы два мотива: утверждение Добра и Благости, воплощенных в Боге и небесном воинстве, и дух мятежа, непокорства, столь выразительно и сочувственно представленный в образе Сатаны. Мильтон, конечно, нашел формальное решение этого противоречия. У него Сатана и силы Ада посрамлены, побеждены и повергнуты во прах. Но, как и в некоторых других произведениях мировой литературы, главное впечатление определяется не развязкой, не финалом, а вершинными моментами действия, а к числу их несомненно принадлежат сцены, выражающие дух восстания.

Люцифер, издавна ставший мифическим воплощением идеи Зла, играет роковую роль в судьбе Адама и Евы. Они также — символические фигуры. Если антагонизм Бога и Сатаны выражает идею борьбы Добра и Зла, как явление всеобщего, космического масштаба, то миф об Адаме и Еве сводит проблему с небесных высот на землю и показывает, как отражается эта борьба в бытии человечества.

Библейская легенда о первых людях и их грехопадении содержит большой заряд мысли. Мильтон воспользовался ею как отправной точкой для философских раздумий. Он воспроизводит миф во всей его картинности, рисуя сначала блаженную жизнь Адама и Евы в Эдеме, а затем страдания и муки, обрушившиеся на них и на все человечество после того, как они попрали божий закон. Поэтическое повествование Мильтона полно истинного драматизма. События поэмы служат поводом для пространных рассуждений героев о судьбах человечества. Поэтические монологи и диалоги «Потерянного Рая» полны значительного философского смысла.

В поэме Мильтона выразительно противопоставлены два состояния человечества: его безмятежное существование в земном раю — Эдеме и жизнь, полная забот, испытаний и бедствий после изгнания из Рая.

Одна из древнейших иллюзий человечества — вера в то, что некогда в отдаленном прошлом жизнь была проста, изобильна и прекрасна без усилий со стороны человека, У греков идея воплощена в легенде о «золотом веке», в библейской мифологии — в представлении об Эдеме.

Почему кончился «золотой век», как случилось, что райская жизнь сменилась смертной судьбой, полной тревог и страданий? Задаваясь этими вопросами, люди древности искали объяснения опасностям, мукам и ужасам, постоянно вторгавшимся в их жизнь. Языческие религии видели в несчастиях людей проявления непонятных им решений богов. Рок тяготел над их жизнью, считали они, причем он был слеп и мог обрушивать гнев на ни в чем не повинных людей. Впрочем, бывало и так, что люди сами, по незнанию пли невоздержанности, накликивали на себя беду.

Христианская религия возложила вину за жизненные нелады на человека. Источник всех несчастий в том, что человек поддается воздействию темных сил и отступает от божеских законов. Он сам виновен в том, что лишился райской жизни. Если жизнелюбивая языческая религия в худшем случае признавала ошибку, заблуждение человека как причину его бедствий, то христианство создало понятие греха, связывая его с идеей порочности, присущей натуре человека.

Изображение райской жизни Адама и Евы в поэме Мильтона может показаться тяжеловесно-скучной идиллией. Между тем оно имеет глубочайший гуманистический смысл. По идее Мильтона, человек изначально прекрасен, ему чужды дурные наклонности и пороки. Адам в Раю учит Еву, что первейший долг человека — трудиться, чтобы украшать землю плодами своих рук. Любовь Адама и Евы — идеальное сочетание духовной общности и физического влечения. В противовес аскетическим толкованиям библейской легенды, прямо бросая вызов ханжам, Мильтон вдохновенно пишет о радостях плотской любви Адама и Евы. Рай Мильтона — одна из прекрасных гуманистических утопий.

Почему же люди лишились такой блаженной жизни? Следуя библейской легенде, Мильтон отвечает: их искусил Дьявол, и они нарушили запрет Бога. В изображении событий поэт следует религиозному преданию. Но следует ли он религиозному смыслу легенды? На это поэма дает ясный ответ.

Сатана в обличье коварного Змия искусил Еву съесть плод с древа познания Добра и Зла. А Бог запретил людям прикасаться к этим плодам. Стоит прислушаться к тому, как рассуждает об этом Сатана:

Познанье им запрещено?
Нелепый, подозрительный запрет!
Зачем ревниво запретил Господь
Познанье людям? Разве может быть
Познанье преступленьем?..
…Ужель
Неведенье — единственный закон
Покорности и веры и на нем
Блаженство их основано?

Крамольные мысли! Правда, они вложены в уста Сатаны, а от него, естественно, не приходится ждать благочестия. Но могли ли эти мысля быть чуждыми гуманисту Мильтону? И разве греховна Ева, когда, наслушавшись речей Сатаны, имея в виду Бога, восклицает:

Что запретил он? Знанье! Запретил
Благое! Запретил нам обрести
Премудрость…
…В чем же смысл
Свободы нашей?

Совершенно очевидно, что гуманизм Мильтона приходит в противоречие с религиозным учением, и это противоречие пронизывает всю поэму о Рае, потерянном людьми. Искренняя вера Мильтона в существование божества, создавшего мир, все время сталкивается с не менее горячим стремлением поэта утвердить свободу мысли, право человека на самостоятельное постижение законов жизни. Вспомним, с каким почтением относился Мильтон к Галилею, ученому, посмевшему пойти наперекор церковникам, и станет ясно, что вера поэта выходила за рамки догматизма, что его великое творение — гимн не Богу, а Человеку.

Изгнание из Эдема лишает человека вечного блаженства. Отныне его жизнь становится тяжкой. Но Адам, принявший и на себя бремя вины, павшей на Еву, не страшится тех испытаний, которые предстоят ему и всем людям. Его образ несомненно героичен, и Мильтону принадлежит важная заслуга в истории литературы и нравственного развития человечества. Герои всех предшествующих эпических поэм были воителями. Мильтон создал образ героя, видящего смысл жизни в труде. Уже в Эдеме он прославляет эту черту своего героя, но и лишившись райской жизни, Адам остается верен мысли, что труд есть главное назначение человека.

Идея Мильтона выражает новые нравственные устремления, возникшие в эпоху подъема буржуазного общества. Труд и плодотворная деятельность противопоставлялись пуританской буржуазией праздности и паразитизму дворянства. Исторически условия сложились так, что идея труда, как и все другое в идеологии пуританства, получала религиозную окраску, ибо труд должен был послужить искуплением «первородного греха» человечества. В перспективе исторического развития важна, однако, не оболочка, а сущность выраженного Мильтоном. Пройдет немногим больше полувека, и идея Мильтона получит живое воплощение в другом художественном образе — в Робинзоне Крузо, первом герое-труженике мировой литературы (кстати сказать, тоже очень набожном, и притом в пуританском Духе).

Мильтон не ограничился двумя мотивами, составляющими основу сюжета поэмы, — восстанием Сатаны и грехопадением первых людей. Он расширил рамки произведения, введя в него «видение» о будущем человечества. Напутствуя Адама и Еву, покидающих Эдем, архангел Михаил показывает им картину жизни человечества после того, как оно лишилось райских благ. Оставаясь в пределах библейских же легенд, Мильтон в сущности развивает здесь цельную философию истории, и итог ее может

быть сформулирован не менее сурово, чем это сделает через несколько десятилетий другой английский писатель — Джонатан Свифт, а столетие спустя французский просветитель Вольтер. Для Мильтона, как и для них, история — цепь стихийных бедствий и общественных несчастий, войн, разрушений, бесчеловечных истреблений людей друг другом, тирании и произвола. Как жить человеку в таком страшном мире? Мы уже знаем ответ Мильтона — работать для себя и на благо других, то есть, говоря словами Вольтера, «возделывать свой сад». К этому Мильтон добавляет свой кодекс нравственности, основу которого составляет идея любви как главного закона человеческой морали. В отличие от просветителей XVIII века, которые были вольнодумцами, а иные даже атеистами, Мильтон еще облекает свою философию в религиозные формы, но это не должно затемнить для нас того факта, что Мильтон был ближайшим предшественником просветителей как в своей защите прав разума и стремления к знанию, так и в утверждении идей свободы и гуманности.

«Потерянный Рай» свидетельствует о двойственном отношении Мильтона к проблеме восстания. Как мы знаем, он сам был деятельным участником английской буржуазной революции и одним из ее пламенных идеологов. Опыт диктатуры Кромвеля вынудил Мильтона пересмотреть свои взгляды. Оставаясь последовательным противником дворянско-монархического строя, Мильтон пришел к выводу, что создание новых форм общественного устройства не может ограничиться политическим переворотом, ибо он не решает некоторых существенных, по его мнению, задач. Предвосхищая и в этом философию Просвещения, Мильтон утверждает необходимость всесторонней общественно-воспитательной деятельности для подготовки людей к иным формам жизни, основанным на разуме, справедливости и добродетели. Это получило выражение в следующем большом поэтическом произведении Мильтона «Возвращенный Рай».

Образ Христа появляется впервые в юношеской поэзии Мильтона, затем в «Потерянном Рае», и в обоих случаях поэт ищет в нем не божественное, а возвышенно-человеческое начало. В «Возвращенном Рае» Христос — главный герой. Основу сюжета составляет искушение, которому Сатана подвергает Христа. Как некогда Комос в ранней пьесе-маске рисовал перед девой радости чувственных наслаждений, так теперь Сатана искушает Христа всеми мирскими благами, доступными человеку: он предлагает ему власть, могущество, богатство, но, конечно, за счет добродетели. Христос отвергает все эти блага во имя добра, истины и справедливости. Мильтон делает своего героя

воплощением высших нравственных идеалов. Его Христос — враг всякой тирании. С потерей свободы, считает он, гибнет добродетель и торжествуют пороки, причем нравственное падение охватывает как властителей, так и подданных.

Мильтон позволил себе наделить Христа чертами собственной личности. Вот, например, что рассказывает о себе Христос в «Возвращенном Рае»:

> …Будучи ребенком, не любил
> Я детских игр, мой ум стремился к знанью,
> К общественному счастию и благу.

(Перевод О. Чюмниой)

Это не вяжется с ортодоксальным религиозным взглядом на личность Христа, но зато в полной мере соответствует тому, что мы знаем о Мильтоне. Его Христос движим ясно выраженными политическими стремлениями

> Изгнать навек насилие и, правде
> Свободу дав, восстановить равенство.

Если в образе Сатаны отразился мятежный дух самого Мильтона, в образе Адама — его стоическая непреклонность в борьбе за жизнь, достойную человека, то фигура Христа воплощает стремление к истине и желание просветить людей. «Возвращенный Рай» недвусмысленно выражает разочарование не в революции, а в людях, которые, ненадолго вкусив свободы, легко примирились с возвращением деспотической власти. Мильтона не могло не потрясти то, что возвращение Стюартов было встречено чуть ли не всеобщим ликованием. Отсюда возникает сознание поэта в необходимости

> Сердца людей словами покорять
> И вразумлять заблудшие их души,
> Которые не знают, что творят.

(Перевод О. Чюминой)

Означает ли это полный отказ Мильтона от прямой борьбы? Ответ на эта дает его последнее замечательное творение — драматическая поэма «Самсон-борец».

В этом произведении несомненны некоторые личные мотивы.

В образе Далилы не могли не отразиться переживания Мильтона, связанные с его первой женой-роялисткой, но более непосредственная аналогия между положением Самсона и самого Мильтона, слепого и оставленного в живых из милости торжествующими врагами. Образ Самсона говорит о том, что Мильтон стремился не только к тому, чтобы открыть глаза народу, просветить и вразумить людей, по был бы не прочь воздать возмездие вернувшимся к власти дворянам при помощи силы, если бы такая нашлась.

Три великих творения, созданных Мильтоном в последние годы жизни, значительны не только идеями, свидетельствующими о том, что Мильтон был передовым человеком своего времени, страстным борцом за обновление жизни на истинно благородных началах. Мильтон — поэт одной из первых революции нового времени, отразивший ее во всей сложности и противоречивости, присущей ей. Ее иллюзии и разочарования, ее страсти и разум получили в его творчестве могучее поэтическое воплощение.

Поэзия Мильтона всегда отличалась возвышенностью, в последних произведениях она достигла монументальности, подобной той, которая была свойственна величественным храмам стиля барокко. «Потерянный Рай», как соборы барокко, сохраняет классический каркас, но строение причудливо усложнено украшениями. Неторопливая повествовательная манера сочетается с многокрасочными описаниями. Речь автора картинна, а речи персонажей возвышенно-риторичны.

В «Самсоне-борце» Мильтон сделал то, чего не делал еще ни один из авторов нового времени, прибегавших к драматической форме. Для всех драматургов эпохи Шекспира (и для него самого) исходной формой драмы была римская трагедия в манере Сенеки. Мильтон первым в Англии взял за образец греческую трагедию. Менее сложная по построению действия, чем трагедия Шекспира и его современников, трагедия Мильтона стала образцом лирической драмы, и нетрудно увидеть, насколько обязаны примеру Мильтона Байрон в «Каине» и Шелли в «Освобожденном Прометее».

Современному читателю не просто найти путь к Мильтону и воспринять его поэтическое наследие. Нас разделяют время, различие культур, иные художественные понятия и вкусы. Но тот, кто даст себе труд вчитаться в первые десятки или сотни строк его поэм, окажется охваченным стихией могучего поэтического дара и всеобъемлющей мысли Мильтона. При вдумчивом отношении к его поэзии обнаруживается, что за чуждой, казалось бы, оболочкой, скрываются раздумья о жизни, важные и для человека нашего времени.

Мильтон стоял на рубеже времен. Он впитал наследие тысячелетий античности, средневековья, Возрождения — и стоял на пороге эпохи Просвещения, открывшей путь литературе нового времени. Он занимает важное место и в художественном и в духовном развитии. Пройти мимо него, оставить без внимания его наследие — значит опустить важное звено в эволюции европейской литературы. Он имеет не только историческое значение. Величавая красота его поэзии, ценимая такими художниками, как Гете, Байрон, Шелли и Пушкин, не может оставить безразличным и современного читателя.

notes

Примечания

1

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 346.

2

Там же, с. 347.

3

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 120.

4

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 120.

5

В. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1847 года. — Соч. в 3-х томах, т. 3, с. 792.

Milton's Prose, ed. by Malcolm W. Wallace. World's Classics. Oxford University Press. L., 1925, p. 377.

7

Веселый (итал.).

8

Задумчивый (итал.).

9

Духовная цензура из монахов францисканского и доминиканского орденов. Цит. по кн.: Milton's Prose, p. 305.

10

Milton's Prose, p. 186.

Ibid., p. 280.

12

Ibid., p. 290.

13

Millon's Prose, p. 290–291.

Ibid., p. 312.

15

Milton's Prose, p. 331.

Ibid., p. 339.

То есть «Иконоборца».

18

«Защита (английского) народа» (лат.). — Цит. по кн.: «Пушкин-критик». М., 1950, с. 522.

19

Milton's Prose, p. 398.

«Пушкин-критик», с. 523.